

Отзыв

на автореферат диссертации Павла Владимировича Ульянова
«Эволюция содержания “образа врага” (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Общеизвестно: тема пропаганды «образа врага» в странах-участницах Первой мировой войны, включая Великобританию, в отечественной историографии практически не разработана – во многом потому, что тот мировой конфликт оказался заслонён для россиян событиями Революции и гражданской войны, а затем новой опустошительной мировой войны. Поэтому обращение П.В. Ульянова к обозначенной им проблеме совершенно оправдано – и не только с научной, но и с практической точки зрения, поскольку навязывание «образа врага» в СМИ многих стран становится сегодня повседневным явлением.

Автор, вполне понятно, начинает исследование с разбора умозрительных конструкций, с помощью которых может осуществляться анализ того или иного образа «другого». Он обращается к понятиям: «имидж», «стереотип», «образ», а также к имеющимся теориям пропаганды, информационных войн и информационного противоборства. Но с моей точки зрения, был смысл, во-первых, соединить чрезмерно «раздутый» материал главы 1, полностью посвящённый разбору данных теоретических конструкций, с соответствующей частью введения; а во-вторых, в заключении всё же попытаться ответить на поднятые в диссертации вопросы: применимо ли к британскому изображению Германии периода 1914–1918 гг. понятие информационной войны и чем всё-таки являлась тогдашняя британская пропаганда: методом формирования общественного мнения, процессом распространения информации (с. 5) или тем и другим вместе.

Два их трёх разделов главы 2 также носят вводный характер, поскольку в них рассматривается сначала восприятие захватчиков жителями Британских островов в Древности и Средневековье, а затем особенности формирования «образа врага» в Британии XIV – второй трети XIX в., когда Германии как современного централизованного государства ещё не существовало. Но третий раздел главы уже непосредственно связан с предметом исследования. Автор проанализировал «целенаправленную пропаганду», которая стала осуществляться в Британии в преддверии 1914 г. в основном в связи с германской политикой создания современного военно-морского флота и пришёл к выводу, что в британских СМИ уже появились «признаки формирования “образа врага” по отношению к Германии как к “потенциальному противнику”, хотя в середине XIX в. эта роль во многом отводилась России» (с. 20). Совершенно обоснованный, данный вывод лишь оттеняет, однако, излишнюю категоричность названия раздела: «...Целенаправленное создание образа Германии как “врага” накануне Первой мировой войны». Многие англоведы, знакомые с историей рубежа XIX–XX вв., возразят, указав, что вопреки обостряющемуся англо-германскому антагонизму, на Второй рейх в период до 4 августа 1914 г. в Британии смотрели преимущественно лишь как на соперника в научно-технической, торговой, военной и других областях.

Из 22 страниц автореферата освещению содержания соответствующего направления британской пропаганды времён Великой войны отведено, к сожалению, менее 2-х страниц, что не позволяет сделать вывод о полноте или, наоборот, о недостаточной полноте нарисованной автором картины. В силу этого трудно судить также и об обоснованности выводов заключения, согласно которым пропаганда «образа врага» в Британии военных лет «носила централизованный, целенаправленный, массовый и широкомасштабный характер», сохранялись «некоторые стереотипы, методы и приемы пропаганды, которые развивались на протяжении всей истории Англии (Великобритании)», «грамотно подобранные пропагандистские сюжеты были направлены на оправдание собственных действий во время войны», что «способствовало успешности и результативности пропаганды». Смысл же вывода, что «во время военного конфликта пропаганда приобрела собственную специфику, включающую в себя влияние “островного менталитета» на формирование в сознании людей “образа врага», так как острова воспринимались в виде “родной крепости”» (с. 22), с трудом поддаётся расшифровке.

В глаза бросаются некоторые неточности и упрощения автора.

Не хочется упрекать П.В. Ульянова в незнании британской истории, ибо в автореферате (с. 20) упоминается о «превращении Англии в Великобританию, а затем и в Соединенное Королевство (с 1801 г.)». Но при определении территориальных рамок исследования Ирландия почему-то включается в состав Великобритании (с. 12). А это лишает смысла само официальное название государства – «Соединённое королевство Великобритании и Ирландии (после 1921 г. – Северной Ирландии)». На протяжении всей работы одна из 3-х частей Великобритании – Англия упорно отождествляется со всей Великобританией (с. 7, 15, 22, 23), а Великобритания, наоборот, – с Англией (с. 10). Хотя в нашей обыденной речи всё государство часто именуется Англией, научный подход требует всё же строгости и определённости.

Пирса Брендона можно отнести к представителям «имперской школы» историографии (с. 8) только по предмету его исследования, сосредоточенному на - «упадке и разрушении Британской империи».

При определении методологии – своей собственной и других обществоведов и историков из числа анализирующих содержание разного рода пропаганды – П.В. Ульянов то и дело упоминает структурный функционализм, и ни разу – контент-анализ, который кажется совершенно естественным для такого рода работ.

Но поставленные автором задачи, судя по автореферату, решены.

Процесс эволюции образа Германии в качестве главного врага англичан П.В. Ульяновым реконструирован. Выявлено, что до лета 1916 г. немцы в Британии изображались «воинствующими варварами», «гуннами» и «фрицами», их император – «завоевателем», «мясником» и «деспотом», а Германия воспринималась как «милитаризованная имперская машина», «носитель идеи мирового владычества». Позднее же, «несмотря на сохранение за Германией “образа мирового зла”, образы кайзера, государства и народа стали менее дегуманизированными»: образ немцев как “варваров” в пропаганде сохранился, но “общей тенденцией” стало приписывание их государству иных качеств – «черт “слабости” и “истощенности”» (с. 23).

Автор попытался также обосновать вывод о выделении в реконструированном им направлении британской пропаганды времён Великой войны 2 периодов с водоразделом в виде начавшейся в июле 1916 г. битвы на Сомме. По выражению самого П.В. Ульянова, первым критерием предлагаемой им периодизации «можно обозначить планирование и реализацию наступательной операции англо-французских

войск в июле – августе 1916 г.... В качестве другого критерия взята тенденция усиления среди некоторой части населения Великобритании антивоенных и пацифистских настроений в результате затянувшегося военного конфликта» (с. 12).

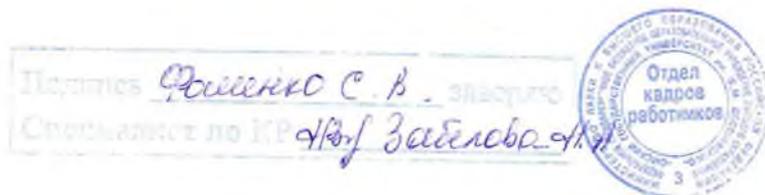
На случай продолжения в будущем работы над избранной темой хочется привлечь внимание автора к тому, что с таким же успехом «водоразделом» между периодами может стать и май 1916 г. – замена однопартийного Кабинета либералов трёхпартийным коалиционным правительством. П.В. Ульянов фактически и сам это признаёт, когда пишет, что пропаганда на первом этапе «проходила в относительно “свободных” условиях, так как Бюро военной пропаганды лишь координировало агитационную деятельность и не навязывало никаких взглядов», что «было отчасти связано с главным принципом партии либералов о свободе слова, печати и невмешательства государства» в деятельности СМИ (с. 22). Но скорее всего, трансформация образа Германии-врага происходила в британской пропаганде под влиянием массы самых разных обстоятельств и без особых резких переходов, не скачкообразно, а именно эволюционно.

В целом же работа П.В. Ульянова отличается самостоятельностью и определённой новизной исследовательского подхода. Судя по автореферату, содержание диссертации отвечает критериям п. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», утвержденного постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 (в редакции от 01.10.2018), и автор диссертации заслуживает присуждения ему степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Профессор кафедры всеобщей истории
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского,
доктор исторических наук
(07.00.03 – Всеобщая история
(новое и новейшее время)),
профессор

Фоменко Светлана Владимировна

21.01.2020

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского».
Адрес: 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А.
Тел.: +7 (3812) 67-01-04; e-mail: rector@omsu.ru; сайт: http://omsu.ru